

ИЗВЕСТИЯ ПО КАЗАНСКОЙ ЕПАРХИИ

2.

ИЗВЕСТИЯ ПО КАЗАНСКОЙ ЕПАРХИИ

ИЗВЕСТИЯ ПО КАЗАНСКОЙ ЕПАРХИИ

ИЗВЕСТИЯ ПО КАЗАНСКОЙ ЕПАРХИИ

(издание)

ИЗВЕСТИЯ ПО КАЗАНСКОЙ ЕПАРХИИ.

Выходятъ два раза въ мѣсяцъ.
Подписка принимается въ Казани, въ редакціи Православнаго Собесѣдника при духовной академіи, отъ всѣхъ мѣстъ и лицъ.

1891.

15 СЕНТЯБРЯ.

№ 18.

Цѣна Извѣстій по казанской епархіи для мѣстъ и лицъ другихъ епархій и вѣдомствъ: вмѣстѣ съ Православнымъ Собесѣдникомъ 10 руб. съ пересылкою.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

О награжденіи набедренникомъ.

Его Высокопреосвященствомъ, за весьма усердную и полезную службу награждены набедренникомъ священники: 1) Свіяжскаго уѣзда села Русскаго Бурнашева Никаноръ Невзоровъ, 2) села Макулова Геннадій Кудрявцевъ и 3) Священникъ села Дюсметева, мамадышскаго уѣзда, Николай Николаевъ—за особые труды и усердную пастырскую дѣятельность, 2 августа сего 1891 года.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ ЦЕРКВЕЙ Г. КАЗАНИ.

2.

Кирилло-Меѳодіевская церковь.

ПРИЛОЖЕНІЯ

къ описанію Кирилло-Меѳодіевской церкви.

(Окончаніе).

5.

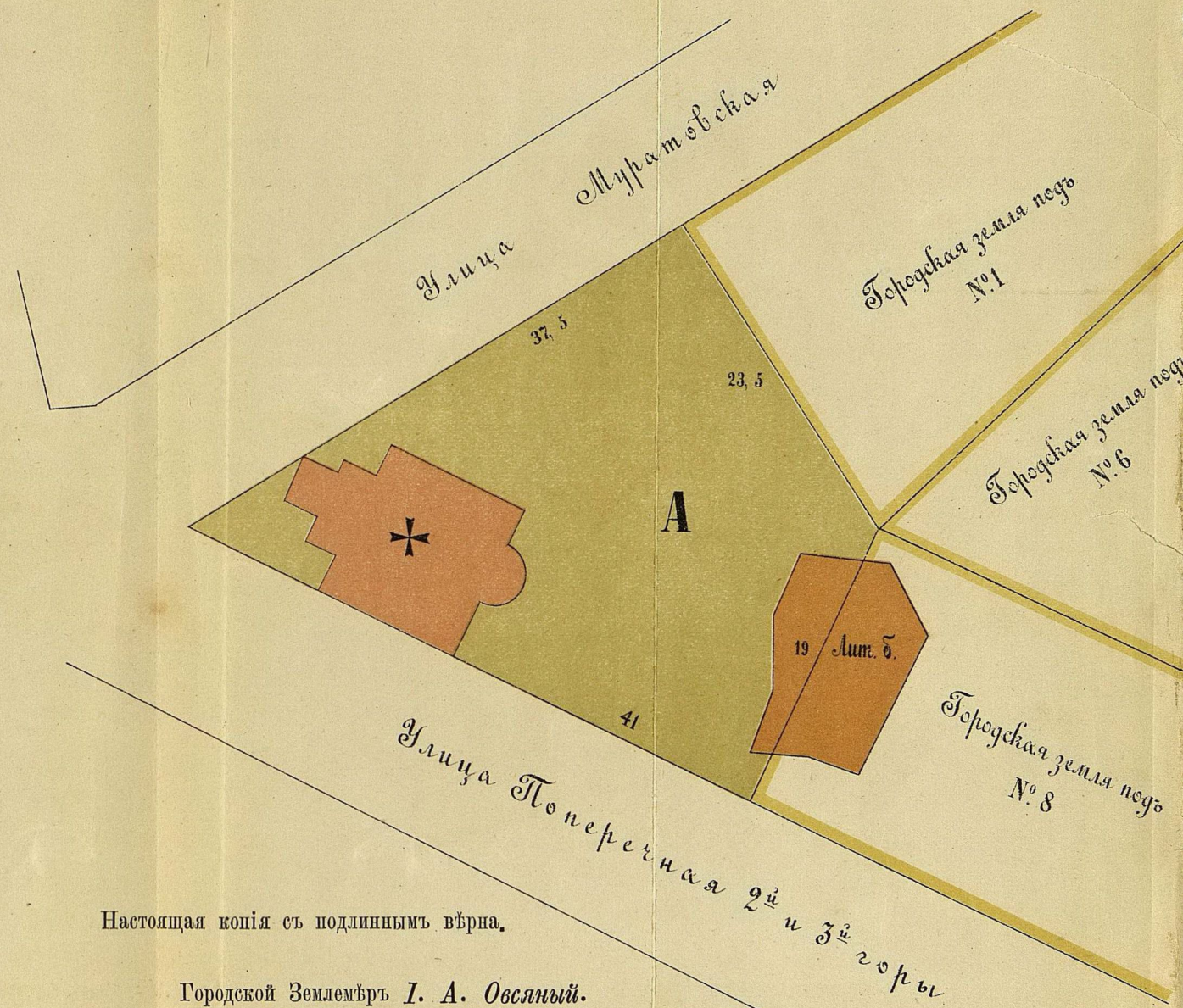
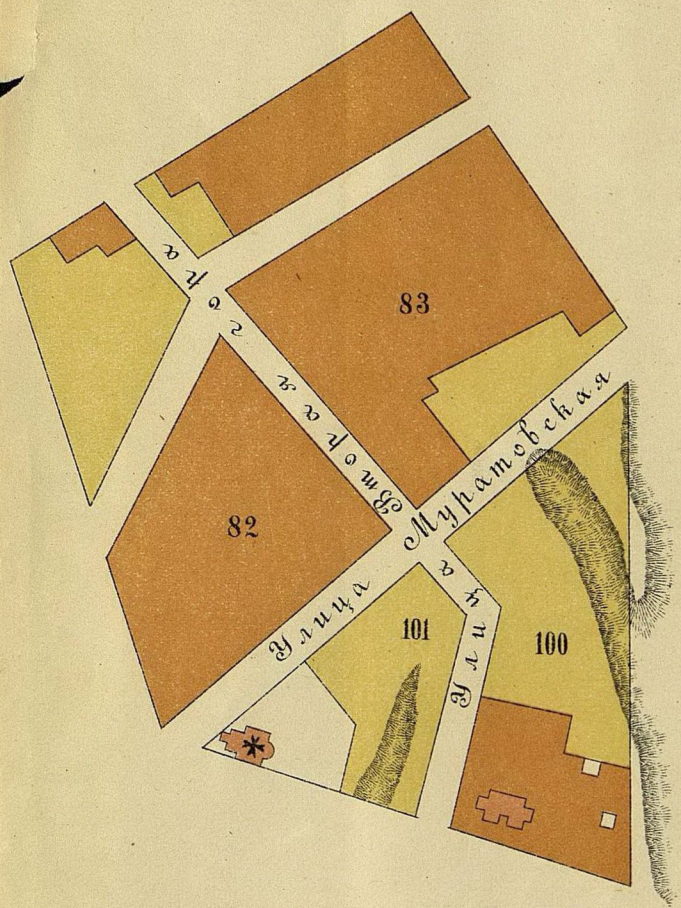
Имена и фамиліи нѣкоторыхъ жертвователей на храмъ Кирилло-Меѳодіевскій.

	РУБ.
Отъ Елабужскаго Стахѣвскаго Комитета	1000
Отъ Его Высокопреосвященства	100
— Д. И. Стахѣва	650
— мѣщанки Чистопольской	100
— протоіерея Николая Варушкина	100
— купца Корелкина	50
— неизвѣстнаго	110
— Михаила и Варвары Осокиныхъ	20
— купца Романова	50
— о. Іоанна Сергіева	100
— А. П. Прибыткова	2000
— чиновницы Ивановой	200
— іеромонаха Исаакія	100
— Елабужскаго купца Ушкова	200
— Казанскаго купца Денежкина	120
— Екатерины С. Прибытковой	600
— Казанскаго купца Е. Платонова	220
— А. и О. Александровыхъ	150
— Елабужскаго купца И. Г. Стахѣва	500
— протоіерея П. Миловидова	100
— неизвѣстнаго	100
— Василя Ив. Жирнова 400 р. на храмъ и 400 р. на причтъ за вѣчное поминовеніе, а всего	800

Выкопировка съ плана 4 части города Казани съ показаніемъ подъ лит. А городской отведенной земли въ кварталъ подъ № 101 для сооруженія Кирилло-Меодіевскаго храма.

Планъ снятаго участка городской отведенной земли въ количествѣ 828 квадр. сажень, что на планѣ подъ лит. А въ 4-й части гор. Казани по ул. Муратовской и Поперечно 2-й и 3-й горы.

Примѣч. Дворовый участокъ подъ лит. б предположенъ къ переносу на другое мѣсто.

Настоящая копія съ подлиннымъ вѣрна.

Городской Землемѣръ *И. А. Овсянній.*

14 Марта 1890 года.

Масштабъ въ англійскомъ дюймѣ 50 саж.

Масштабъ въ англійскомъ дюймѣ 10 саж.

Сверхъ сего поступило пожертвованій:	руб.
Отъ И. С. Кривоносова 200000 кирпича на	2400
— С. С. Сулова 12 кол. въ 253 пуд. на	5020
— М. А. Ульяновой 1750 лист. стекла на	200
— неизвѣстной 250 чуг. полов. плить на	400
<hr/>	
Итого. . .	15390

6.

Уступка городской земли подъ храмъ Кирилло-Меодіевскій и домъ для причта.

ДОКЛАДЪ

Казанской Городской Управы

(ноября 13 дня 1888 года № 150)

По ходатайству Строительнаго Комитета по сооруженію храма св. Кирилла и Меодія, объ уступкѣ городской земли подъ постройку дома для причта.

Строительный Комитетъ по сооруженію храма св. Кирилла и Меодія, въ прошеніи, поданномъ 12 августа 1888 года, изложилъ слѣдующее: „Храмъ Божій, сооружаемый нами въ память тысячелѣтія апостольской дѣятельности великихъ Просвѣтителей Славянъ св. Кирилла и Меодія, при помощи Божіей, въ чернѣ къ концу нынѣшняго лѣта будетъ оконченъ; затѣмъ мы намѣрены приступить къ сооруженію каменной церковной ограды и намѣтить мѣста для постройки дома и службъ для будущаго причта Кирилло-Меодіевской церкви. Почему Строительный Комитетъ имѣетъ честь покорнѣйше просить Казанское Городское Управленіе сдѣлать распоряженіе объ отводѣ намъ земли

для означенныхъ сооружений, въ количествѣ 600 кв. сажень, кромѣ тѣхъ 200 сажень, которыя отведены намъ Управою въ 1885 году для постройки Кирилло-Меодіевскаго храма“.

Городская Управа имѣетъ честь доложить, что постановленіемъ Городской Думы 28 октября 1885 г. (сбор. проток. за 1885 г., стр. 188) опредѣлено: уступить безвозмездно подъ постройку храма городское мѣсто, находящееся на односторонкѣ между Солдатской и Муратовской улицъ, близъ вновь устроеннаго землянаго моста, соединяющаго улицы 1-ую Горы со 2-й въ количествѣ 200 сажень. Учрежденный впоследствии мѣстною Епархіальною властію Комитетъ по сооруженію храма св. Кирилла и Меодія нашель означенное выше мѣсто неудобнымъ для постройки храма, а указаль на другое мѣсто въ Академической Слободѣ, на углу улицъ Муратовской и Поперечной 2 и 3 Горы, на которое указывала также и Управа въ докладѣ своемъ (отъ 13 октября 1885 г. за № 82), рассмотрѣнномъ Думою въ упомянутомъ выше засѣданіи; на послѣднемъ мѣстѣ нынѣ и воздвигнуть Кирилло-Меодіевскій храмъ.

Представляя вышеизложенное на благоусмотрѣніе Городской Думы, Городская Управа имѣетъ честь доложить, что по силѣ прим. 2 къ 220 ст. уст. строит., при возведеніи церквей въ городахъ слѣдуетъ наблюдать, чтобы онѣ находились отъ сосѣдней межи въ разстояніи 20 или, въ случаѣ затрудненія отвести это пространство, по крайней мѣрѣ 10 саж. Правило это не распространяется на дома, устраиваемые на церковномъ погостѣ для священнослужителей и церковныхъ причетниковъ и на другія церковныя постройки, кои, по ближайшему соображенію духовнаго и строительнаго начальствъ, могутъ быть дозволяемы и ближе означеннаго разстоянія отъ церквей.

Руководствуясь этимъ правиломъ, землемѣръ І. А. Овсяннй составилъ планъ на кварталъ 101, въ которомъ построена Кирилло-Меѳодіевская церковь, выдѣливъ въ ономъ, согласно ходатайства Строительнаго Комитета, для церковнаго погоста, участокъ за № 9, размѣромъ въ 828 кв. сажень со включеніемъ въ это количество и мѣста подь церковью ¹⁾. При такомъ размѣрѣ церковнаго мѣста частныя постройки, какъ со стороны Муратовской улицы, такъ и Поперечной 2 и 3 Горы, будутъ находиться на разстояніи 20 саж. отъ храма. При этомъ Городская Управа присовокупляетъ, что въ участокъ, отводимый для церковнаго погоста, врѣзываются постройки мѣщанки Кузьминой, возведенныя ею самовольно на городской землѣ. Городскою Управою Кузьмина привлекается къ платежу аренды за землю, въ размѣрѣ 4 коп. за квадрат. саж., согласно постановленія Думы 24 ноября 1881 года; при чемъ часть земли, предположенная къ отводу для церковнаго мѣста, будетъ освобождена отъ ея построекъ и, по освобожденіи лишь, передана Строительному Комитету Кирилло-Меѳодіевскаго храма.

Подлинный подписали: Городской Голова С. В. Дьяченко, Члены Управы: Залѣсскій, Богдановъ, Муллинъ и секретарь Калашниковъ.

¹⁾ Предсѣдателю Строительнаго Комитета, протоіерею П. Д. Миловидову доставленъ былъ, 15 марта 1889 г., и самый планъ на отведенный для погоста Кирилло-Меѳодіевской церкви участокъ земли. Планъ здѣсь прилагается.

СВЯЩЕННИКЪ ДМИТРІЙ НИКОЛАЕВИЧЪ СМІРЯГИНЪ

(НЕКРОЛОГЪ).

1891-го года въ іюлѣ мѣсяцѣ духовенство 2-го благочинническаго округа, свѣяжскаго уѣзда, понесло очень важную потерю: 18-го числа сего іюля, въ часъ по полудни, скончался отъ порока сердца благочинный, священникъ села Утякова, Дмитрій Николаевичъ Смирягинъ, на 50-мъ году отъ рожденія. Уже болѣе года было замѣтно у него предрасположеніе къ сей болѣзни, которая приняла быстрое развитіе по слѣдующей причинѣ. Мѣсяца за полтора до смерти у о. Смирягина умерла пріѣхавшая изъ Казани на каникулы въ Утяково дочь его Анна, проучившаяся одинъ годъ въ Казанскомъ Епархіальномъ училищѣ. Она играла въ саду въ знойный, жаркій день, потомъ напилась холодной воды и тотчасъ-же заболѣла дивтеритомъ, а послѣ 4-хъ дневныхъ страданій, умерла. Смерть этой дочери очень рѣзко подѣйствовала и безъ того уже на слабое сердце о. Дмитрія. Пишущій сіи строки, какъ отецъ крестный умершей, пріѣхавъ въ Утяково для погребенія ея, удивленъ былъ положеніемъ о. Дмитрія: онъ мѣшался въ разговорахъ и, по временамъ, какъ будто что-то забывалъ и на прощаніи сказалъ, указывая на грудь: „вотъ здѣсь, кумъ, больно тяжело!“ Это „больно тяжело“ и разразилось во всей силѣ 18-го іюля неожиданною смертію.

Покойный Дмитрій Николаевичъ былъ сынъ священника, родился въ селѣ Златоустовѣ, гжатскаго уѣзда, смоленской губерніи. По окончаніи курса въ смоленской духовной семинаріи, о. Дмитрій былъ учителемъ въ сельскихъ училищахъ — златоустовскомъ и липецкомъ съ 1864 по 1868-годъ. Въ 1868 году поступилъ въ штатъ канцеляріи г. смоленскаго губернатора, гдѣ въ 1871-мъ году получилъ чинъ коллежскаго регистратора и въ томъ-же 1871-мъ году, по прошенію, при-

нять въ Казанскую Епархію, затѣмъ въ 1872-мъ году рукоположенъ Высокопреосвященнѣйшимъ Антоніемъ, Архіепископомъ Казанскимъ, во священника къ Спасской церкви села Ходяшева, свѣжскаго уѣзда, а отсюда, по желанію прихожанъ, въ 1874-мъ году перемѣщенъ къ Покровской церкви села Воробьевки того же уѣзда. Въ 1878-мъ году, по распоряженію Епархіального начальства, перемѣщенъ въ село Утяково. Съ 1878 года по день смерти проходилъ должность благочиннаго. Послѣднюю награду — камилавку получилъ въ семъ 1891-мъ году. Божественную литургію и чинъ погребенія 20 іюля совершилъ села Вязовыхъ священникъ Гурій Кроковскій въ сослуженіи оо. іереевъ сель: Ходяшева — Смирнова, Бешбатманъ — Васильевского, Косякова — Діаконова, Θεодоровскаго — Малова, Кармелинскаго — Баранова, Куланги — Утяковскаго. За Божественной литургіей, послѣ причащеннаго стиха, о. Павелъ Васильевскій произнесъ прощальное и назидательное слово, въ которомъ выяснилъ тяжесть понесенной утраты для духовенства, паствы и семьи, и въ заключеніи пригласилъ слушателей къ послѣдующему единенію съ почившимъ въ единодушнѣйшей молитвѣ и затѣмъ, послѣ совершенія чина погребенія, предъ прощаніемъ съ усопшимъ о. Дмитріемъ, о. Г. Кроковскій сказалъ предъ гробомъ краткую прощальную рѣчь, въ которой сказалъ о своихъ любвеобильныхъ отношеніяхъ къ усопшему, въ краткихъ, но трогательныхъ, словахъ изложилъ о прекрасномъ качествѣ исполненнаго ко всѣмъ любви сердца и благородной, доброй и чистой души почившаго. Въ день погребенія о. Смирягина, съ ранняго утра, по первому удару въ колоколь къ литургіи, народъ началъ толпами стекаться къ дому своего усопшаго наставника и отца; огромная церковная площадь и улицы были полны народа. Огромному стеченію народа богомольцевъ благопріятствовало еще то, что день погребенія назначенъ былъ 20 іюля — день памяти величайшаго угодника Божія, свя-

таго пророка Іліи, котораго каждый христіанинъ въ особенности почитаетъ и ублажаетъ. Послѣ погребенія гробъ былъ вынесенъ изъ храма и, какъ только показался на паперти, площадь огласилась плачемъ и воплемъ народа. По обнесеніи вокругъ храма, гробъ былъ принесенъ къ мѣсту упокоенія до страшнаго суда Божія. Здѣсь былъ приготовленъ кирпичный склепъ; тѣло добрѣйшаго о. Дмитрія Николаевича Смирягина погребено рядомъ съ гробомъ его любимой дочери Анны. Послѣ покойнаго осталась: жена Параскева Ивановна, 42 лѣтъ, уроженка смоленская, и двѣ дочери: Марія 18 лѣтъ, окончившая курсъ въ Ксеніинской казанской гимназіи, и Вѣра, перешедшая въ 5 классъ той-же гимназіи.

„Въ покоищи Твоемъ, Господи, идѣже вси праведніи упокоются, упокой и душу раба твоего іерея Дмитрія“!

Села Вязовыхъ священникъ *Гурій Кроковскій*.

НЕЛѢПЫЙ ВЗГЛЯДЪ ХЛЫСТОВЪ СЕЛА БУЛДЫРЯ НА НѢКОТОРЫЯ ИКОНЫ.

1) Извѣстно, что 26-е іюня каждаго года есть день встрѣчи въ г. Казани чудотворной иконы Божіей Матери „Смоленскія“ изъ Седмезерной пустыни. Православный народъ отовсюду стекается на поклоненіе сему чудотворному образу. Спѣшать къ этому дню въ Казань и хлысты села Булдыря, но только не съ цѣлю поклоненія упомянутому образу, а для поклоненія своей собственной святынь, имъ только, хлыстамъ, извѣстной. Они учатъ, что,

„Когда ликовался, здравствовалъ
Батюшка-сынъ божій,
Сударь Иванъ Тимоѣевичъ

На сырой землѣ,
Въ каменной Москвѣ,
Иерусалимѣ своемъ господнемъ,

— приходила къ нему, родимому батюшкѣ, дѣвушка.

Она спасову образу помолилась,
Батюшкѣ государю—
Сыну божію поклонилась,
Поданья (дары) на христовъ престоль положила.
Батюшка поданья принялъ,
Милость сотворилъ,
Душеньку простилъ.

Дѣвушка ему и говоритъ: „Батюшка государь, сынъ божій—Иванъ Тимоѣевичъ,—меня отецъ и мать гонять за мужика замужъ,—выйти или укрыться“? А батюшка сынъ божій зрить и глаголетъ: „дѣвушка! хочешь быть образомъ Владимірской Божіей Матери?—укройся“

Она спасову образу помолилась,
Батюшкѣ государю поклонилась,

да съ тѣмъ судомъ и пошла. Приходить домой, ее опять стали гнать—за мужика; они гонять, а она отъ нихъ. А въ Казани въ то время строилась церковь во имя „Владимірской Божіей Матери“, подмостки были еще отъ стѣнъ не отобраны. Они гонять, она отъ нихъ, да на эти подмостки. А куполь-то былъ еще не свершенъ. Дѣвушка вбѣжала на подмостки, да такъ и бросилась въ куполь; ея плоть пречистая раздробилась. Въ тотъ часъ, въ ту минуту, выше окна алтарнаго на стѣнѣ явилась икона—„Владимірская Божія Матерь“. Миръ—народъ объ этомъ не знаетъ, а вы, праведные, будете знать“.

2) „Людей божіихъ“ села Булдыря не мало привлекаетъ къ путешествію въ Казань и образъ Спасителя, находящійся на наружной стѣнѣ кремлевской башни или военной церкви, при входѣ въ кремль. Люди божіи въ образъ Спасителя видятъ никого другого,

какъ „Китай Лукояныча“,—одного изъ апостоловъ сына божія Ивана Тимоѳеевича.

Преданіе хлыстовъ учитъ, что, „когда Китай Лукоянычъ явился предъ лице избраннаго, возлюбленнаго свѣта, сударя Ивана Тимоѳеевича, въ Москву, сынъ-то божій возглаголоваль къ нему—Китаюшкѣ:

„Еще ты, Китаюшка, не намолился,
Еще ты не натрудился“;

какъ ты ко мнѣ шёлъ, къ богу, за 300 верстѣ, а богъ-то тебѣ каждую ступеньку зачель за 300 поклоновъ,—такъ вотъ тебѣ, Китаюшка, подѣ власть казанская губернія, кого ты, Китаюшка, простишь—того и я богъ прошу“. По увѣренію хлыстовъ, этотъ-то „Китаюшка“, послѣ своей мученической кончины, и явился въ упомянутомъ „спасовомъ образѣ“, что на кремлевской башнѣ (въ Казани). При входѣ въ кремль на стѣнѣ, хлысты находятъ даже и капли крови пречистой плоти своего Китаюшки. „Міръ—народъ, понятно, всего этого не знаетъ, а божій родъ (т. е. хлыстовскій народъ) знаетъ“.

3) Совершая путешествіе въ Казань, многіе изъ хлыстовъ села Булдыря нерѣдко направляются и въ бѣлокаменную Москву, чтобы поклониться самому сударю Ивану Тимоѳеевичу—въ образѣ „орла-сухопара на Сухаревой башнѣ“. „Ликовался, здравствовалъ, поютъ они въ одномъ изъ своихъ распѣвцевъ, Иванъ сударь Тимоѳеевичъ съ праведными на тайной вечери. Зритъ государь и глаголетъ: „Праведные! Есть орелъ сухопаръ, семеро небеса пролетѣлъ, на Сухареву башню сѣлъ — гдѣ спасовы ворота. Кто ѣдетъ и идетъ, шапку снимаетъ. Міръ—народъ знать не будетъ, а вы, праведные, знать будете, что орелъ сухопаръ на Сухаревой башнѣ—сынъ божій, Иванъ, сударь, Тимоѳеевичъ“.

Села Булдыря священникъ *Петръ Рубимскій*.

О КРЕЩЕНЫХЪ ТАТАРАХЪ

(изъ миссіонерскаго дневника).

6-го Октября 1881 г. я отправился изъ Казани по Сибирскому тракту до деревни Баклаушь. Я ѣхалъ съ мухаммеданиномъ этой деревни Нигматъ-Джаномъ Галеевымъ. Онъ былъ съ годъ солдатомъ во время послѣдней россійско-турецкой войны. Когда онъ находился въ военной службѣ, его наряжали ходить въ церковь, гдѣ онъ, по его словамъ, ничего не понималъ, и ему очень не нравился запахъ ладона. Дордогой онъ передалъ мнѣ, что въ ихъ деревнѣ на 105 душъ имѣется старая мечеть, выстроенная Казанскимъ купцемъ Муртазой Усмановымъ. При мечети находится временно мулла, пришедшій изъ Вятской губерніи. Школы, какъ особаго зданія, въ деревнѣ нѣтъ, а мальчиковъ учитъ мулла въ своемъ домѣ.

Я спрашивалъ, какія находятся близъ деревни Баклаушь селенія и когда въ нихъ бываютъ базары. Нигматъ-Джанъ насчиталъ очень много татарскихъ деревень, и, между прочимъ, упомянулъ село Апазово, гдѣ базары бываютъ по пятницамъ. Я спросилъ, — русскіе живутъ въ Апазовѣ или нѣтъ? Нигматъ-Джанъ съ озлобленіемъ отвѣчалъ: чѣртъ ихъ знаетъ; они не русскіе, ни вотяки, ни черемисы. — Татары, что-ли они? переспросилъ я. Они крещены, но держатъ двѣ вѣры. Когда пріѣдутъ въ нашу деревню, держатъ мухаммеданскую вѣру, а когда пріѣдутъ домой, русскую вѣру держатъ.

Когда мы доѣхали до деревни Киндерли, Нигматъ-Джанъ намекалъ, чтобы я далъ денегъ на водку. Я не далъ. Онъ хотѣлъ было выпить на свои деньги и приглашалъ довольно веселаго старика — мухаммеданина Абдуль Гани, говоря ему: зайдемъ выпить *حالين بيلوب* „халинъ билебъ“, т. е. узнавши о состояніи водки, хороша-ли. Не зашли.

Смерклось. Мы проѣхали село Высокую Гору, гдѣ строится новая каменная церковь. Проѣхали деревню Собакино (Балаузы), предполагая ночевать въ Татарской Умбю. Ночь была довольно темная, а дорога такъ не удобна, что сочли за лучшее ночевать въ деревнѣ Сосновкѣ. Когда мы проѣзжали деревню Собакино, я спрашивалъ Нигмать-Джана: есть-ли здѣсь церковь?—нѣтъ.—А кабакъ?—кабакъ есть. Тотъ же вопросъ повторилъ я и въ деревнѣ Сосновкѣ и получилъ такой-же отвѣтъ. Когда мы проѣзжали какую либо мухаммеданскую деревню, (а ихъ мы проѣхали много) я спрашивалъ: есть здѣсь кабакъ? И получалъ отрицательный отвѣтъ.—Почему же кабака нѣтъ, допрашивалъ я.—Законъ нашъ не велитъ кабакъ держать ¹⁾. И у васъ въ деревнѣ нѣтъ кабака?—Въ нашей деревнѣ тоже нѣтъ. Кабаки находятся только въ такихъ мухаммеданскихъ деревняхъ, гдѣ находятся базары.—А кто содержитъ кабакъ, татары или русскіе?—Татарину кабакъ содержать нельзя; вездѣ русскіе содержатъ кабаки.—Печальный отгѣнокъ принимала моя рѣчь.

Еще въ Казани я подрядилъ подводчика съ тѣмъ, чтобы онъ проѣхалъ со мною чрезъ деревню Новый Менгеръ, гдѣ проживаетъ давно мнѣ знакомый мулла Нурулла Сейфуллинъ.

Отъ деревни Умбю меня повезъ другой извозчикъ—изъ той-же деревни Баклаушь—Мухаммедъ-Шахъ.

¹⁾ Не лишне замѣтить, что въ Елабужскомъ и Сарапульскомъ уѣздѣ Вятской губерніи есть татарская деревня Сослоуши. Народъ тамъ живетъ хорошо. Главная причина—питейнаго дома къ себѣ не пускаютъ. Хотѣли было силой, писарь верховодилъ, мирового улащавъ, чтобы кабакъ къ нимъ татарамъ посадить безпремѣнно; ну, бунтъ вышелъ. Сказываютъ, двухъ Мухамметовъ въ Сибирь сослали, а кабака все-же у нихъ и посель нѣтъ. (См. Русская Рѣчь, 1881 г. Сентябрь. Стр. 7. «Ураль»).

Нурулла, мулла деревни „Новый Менгеръ“ принялъ меня довольно любезно, и передалъ мнѣ, что онъ слышалъ отъ прикащика завода П. Е. Ульянова, что священникъ села Апазова очень хорошо объясняется по татарски, что по смерти П. Е. Ульянова (въ Казани) раздавали по 60 рублей для того, чтобы только позвонили въ колокола за умершаго.

Изъ Новыхъ Менгеръ мы проѣхали чрезъ знаменитую мухаммеданскую деревню Кышкарь. Здѣсь большая каменная мечеть. Нѣкогда, т. е. не такъ давно еще, здѣсь былъ своего рода центръ мусульманскаго образованія, здѣсь была знаменитая для татаръ мухаммеданская школа съ многочисленнымъ количествомъ учащихся. Теперь центръ этотъ весьма значительно ослабѣлъ. Не кому стало поддерживать его, прежній богачъ „Мусабай“ умеръ. Сынъ его, казанскій купецъ Муртаза Усмановъ обанкротился, судился, сидѣлъ въ казематѣ, и имѣніе его, состоящее въ фабрикахъ, заводахъ и землѣ, все распродано съ аукціона. Поэтому нѣсколько домовъ Усмановскихъ въ деревнѣ Кышкарь стоятъ полуразрушенные, отъ другихъ не осталось уже и слѣдовъ. Фабрики и заводы Муса-Бая давали жителямъ деревни Кышкарь большіе заработки, поэтому съ прекращеніемъ фабричныхъ и заводскихъ операцій Муса-Бая и жители деревни Кышкарь обѣдняли. Домики ихъ, подобно домамъ патрона ихъ Муса-Бая, валяются и представляютъ печальный видъ. Въ слѣдствіе этого и центръ мухаммеданскаго образованія въ Кышкарахъ ослабѣлъ.

По окрестностямъ деревни Кышкарь виднѣются многія татарскія деревни, въ которыхъ Муртаза Усмановъ выстроилъ мечети, на свой счетъ, напр. въ двухъ деревняхъ: Иски Кишитъ, Яна Кишитъ, по двѣ мечети. Нѣкоторыя изъ мечетей, построенныхъ Муртазою, пришли въ ветхость, но поправить ихъ, по словамъ извозчика Мухаммедъ-Шаха, начальство *русское* дозволенія не дастъ. Безъ позволенія самого строителя Муртазы,

поправлять ихъ, говорятъ, нельзя, а Муртаза подсудимый... Поэтому же будто не позволяютъ починивать мечеть и въ деревнѣ Баклаушахъ.

Къ вечеру 7-го числа октября мы прибыли въ Баклауши, въ то самое время, когда мулла, исправляя самъ должность муэззина, призывалъ мухаммеданъ на вечернюю молитву (ахшамъ намази).

Отца Мухаммедъ-Шаха я засталъ въ домѣ за молитвой. Онъ стоялъ на намазлыкѣ, т. е. на рогожѣ, на нарахъ, и совершалъ молитву, или, какъ выражаются мухаммедане — намазъ. Жена его Кямаль тоже совершила послѣ него, за перегородкой, ахшамъ намазъ (вечернюю молитву).

Съ дороги мы напились сначала чаю, а потомъ занялись разными разговорами. Одинъ изъ братьевъ Мухаммедъ-Шаха спросилъ меня, есть-ли въ газетахъ слухъ, что останутся въ русской землѣ только двѣ вѣры: татарская и русская? Газетъ я читалъ много, но такого слуха я въ газетахъ не читалъ, да этого и не можетъ быть. Въ русской землѣ очень много французовъ и нѣмцевъ, много евреевъ, Государь не захочетъ ихъ оставить безъ вѣры; кромѣ того, сколько въ русской землѣ калмыковъ, держащихъ свою вѣру... нѣтъ такого слуха въ газетахъ не было и не можетъ быть. — А здѣсь приказъ пришелъ объявить крещенымъ татарамъ, чтобы они выходили въ татарскую вѣру... — Какой же это приказъ и кому онъ пришелъ? Мухаммедъ-Шахъ началъ: я дорогой тебѣ говорилъ, что въ Апазовѣ живутъ крещеные, что они носятъ *татарскую одежду*, говорятъ *татарскимъ языкомъ*, такъ вотъ къ нимъ и пришелъ „приказъ“, чтобы они выходили въ *татарскую вѣру*. — Гдѣ же такой приказъ? — По всѣмъ волостямъ пришелъ такой приказъ, говорили всѣ братья, бывшіе въ домѣ. (Семья, въ которой я теперь былъ, очень большая. Она состоитъ изъ семи взрослыхъ братьевъ, изъ коихъ трое уже военную

службу отправили, и двухъ взрослыхъ сестеръ, ихъ отца, ихъ матери и двухъ внучать). А одинъ заявилъ, что такой приказъ пришелъ и къ Апазовскому священнику.—Я прежде всего на это сказалъ, что такого приказа не было никогда и не будетъ.—Какъ не будетъ, возражали мнѣ,—вотъ есть деревня Карадуванъ. Въ ней половина жителей были крещенные татары, а половина мухаммедане. Теперь всѣ крещенные татары вышли въ мухаммеданскую вѣру. Азяковскіе крещенные давно уже вышли въ мухаммеданство. Теперь и Апазовскіе хотятъ.... —Развѣ и они теперь хотятъ выходить въ татары?—Да, многіе согласны выходить, а нѣкоторые еще остаются думаютъ по прежнему въ русской вѣрѣ.—Разговоръ объ отпаденіяхъ крещенныхъ татаръ въ мухаммеданство, впрочемъ, какъ то прекратился, я не вызывалъ отчасти его, стараясь о томъ, чтобы татары сами высказывали что либо объ этомъ печальномъ событіи.

Еще на ночлегѣ, въ деревнѣ Сосновкѣ, за чаемъ я показалъ нѣкоторыя изъ книгъ крещено-татарскихъ, и одинъ изъ спутниковъ, Абдуль-Гани, просилъ почитать. Я сталъ читать брошюру Св. Тихона Задонскаго о покаяніи „Завтра пріиду“. Всѣ слушали, но особенно старикъ Абдуль-Гани. Меня удивило его вниманіе: лице его какъ-то, при этомъ вниманіи, измѣнилось и сдѣлалось изъ веселаго испуганнымъ. Послѣ чтенія онъ сталъ говорить: ну, я никогда не слыхалъ отъ нашихъ муллъ ничего подобнаго. У насъ говорятъ всегда почти одно: „Ислямъ дини хакъ, пяршталаръ хакъ, пягамбаръ хакъ ¹⁾“, а ничего подобнаго тому, что я слышалъ теперь, не говорятъ. Вотъ, онъ мнѣ прочиталъ самое настоящее, что всякому нужно.—Я, желая вызвать на что либо и прочихъ слушателей,

¹⁾ Т. е. вѣра мусульманская есть истинная вѣра, Ангелы—истинны, пророки—истинны.

переспросилъ ихъ: что это говорилъ вамъ Абдуль-Гани? Но остальные слушатели мои (ихъ было трое, кромѣ Абдуль-Гани) кратко и сухо сказали: „тебя онъ хвалить“. Изъ этого я заключилъ, что надѣяться на какое либо вниманіе къ себѣ отъ этихъ троихъ мнѣ особенно нечего. Впрочемъ, когда мы прибыли въ деревню Баклаушь, мой подводчикъ Мухаммедъ-Шахъ успѣлъ передать своей матери о томъ, что я читалъ Исторію Іосифа въ Сосновкѣ (а я, дѣйствительно, послѣ упомянутой брошюры изъ сочиненій Святителя Тихона, читалъ на крещено-татарскомъ языкѣ по книгѣ Бытія исторію Іосифа). Мать Мухаммедъ-Шаха, Кямаль, сказала дѣтямъ, чтобы меня просили они почитать объ Іосифѣ. Я сказалъ, что бы она подошла ближе ко мнѣ, изъ за своей перегородки. Она вышла. Я взялъ книгу Бытія и прочиталъ всю исторію объ Іосифѣ. Слушателями была вся семья. Слава Богу!

Октября 7-го числа 1881 года.

Деревня Баклаушь.

8-го октября 1881 г.

8 числа я предположилъ остаться въ деревнѣ Баклаушь. Я осматривалъ деревню. Эта небольшая татарская деревня пользуется отличнымъ мѣстоположеніемъ. Кругомъ почти всей деревни течетъ маленькая рѣчка Иничъ, изъ береговъ ея въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пробились ключи и вода течетъ изъ нихъ по жолобкамъ. По берегу рѣчки Иничъ находятся луга. Деревню со всѣхъ сторонъ окружаетъ отличный хвойный лѣсъ. До лѣсу со всѣхъ сторонъ версты двѣ, не больше. Жители Баклаушскіе не нуждаются въ дровахъ: у нихъ есть оброчныя лѣсныя доли. Грибовъ много, но татары ихъ не собираютъ, а собираютъ русскіе заводскіе.

Во время обзора деревни сынъ хозяина моей квартиры Хусейнъ передалъ мнѣ, что у нихъ въ деревнѣ

двое муллъ, одинъ-сынъ прежняго муллы, а другой—пришедшій изъ Вятской губерніи. Этому послѣднему не даютъ приговора; половина жителей желали-бы имѣть муллою у себя сына умершаго муллы. Поэтому, говорилъ Хусейнъ, „кайсылары куна, кайсылары кунми“, т. е. одни согласны дать приговоръ, другіе нѣтъ. По причинѣ этихъ неурядицъ изъ-за муллъ мои спутники шутя обо мнѣ говорили встрѣчнымъ знакомцамъ: муллу къ себѣ веземъ! Или-же говорили: на заводъ муллу веземъ!

Верстахъ въ 2-хъ отъ деревни Баклаушъ находится заводъ при селѣ Хотнѣ. Здѣсь нѣтъ также священника. Одинъ Баклаушскій татаринъ, рекомендуя мнѣ село Хотню, говорилъ, что тамъ жить можно. Прежде, говорилъ онъ, дворяне, содержавшіе заводъ, надѣляли хорошо священниковъ и они жили долго; теперь, правда, они не надѣляютъ уже такъ щедро священника, какъ прежде, но жители сами одного священника прокормятъ. Иди, переговори съ ними, говорилъ мнѣ татаринъ. Они уже устали ѣздить за священникомъ въ село Тыннамасъ-Александровку.

Послѣ обзора деревни я разсматривалъ чѣтки мухаммеданскіе. Они состоятъ изъ 99 шариковъ. Шарикъ бываетъ различнаго матеріала. У казанскихъ мухаммеданъ большею частію чѣтки бываютъ изъ финиковыхъ косточекъ (хурма жимишинынъ суягиннанъ), или же изъ деревянныхъ шариковъ,—какъ на счетахъ. Мухаммедане считаютъ шарикъ четокъ послѣ окончанія молитвы. Четки раздѣляются, при считаніи шариковъ, на три группы, по 33 шарика въ каждой. Для того, чтобы не считая знать, что 33 шарика отсчитаны, употребляютъ одинъ шарикъ послѣ 33-хъ большей величины. Какъ такой большой шарикъ попадетъ подъ руку, молящійся уже знаетъ, что началась вторая группа шариковъ, во время перебиранія коихъ ему слѣдуетъ произносить другое молитвенное возваніе, чѣмъ

во время перебирания шариковъ первой группы. Такой-же шарикъ отличаетъ и вторую группу отъ третьей. Отсчитывая шарики первой группы, произносятъ: *субуханъ Алла*—хвала Богу, при второй группѣ произносятъ: *аллахмуду Лилля*—слава Богу, наконецъ при счетѣ остальныхъ 33 шариковъ произносятъ: *Аллагу акбаръ*—великъ Богъ! Считать четки послѣ молитвы съ произнесениемъ упомянутыхъ словъ, говорятъ мухаммедане, очень спасительно: *саваби кубъ була*, т. е. награда четокъ очень большая. Впрочемъ употребляютъ четки и до молитвы и вообще въ свободное время, и за это награды очень много: *Саваби бикъ кубъ* ¹⁾.

Потомъ я читалъ женщинамъ-мухаммеданкамъ изъ Священной Исторіи Ветхаго Заветъа, на крещено-татарскомъ языкѣ. Чтеніе я окончилъ рассказомъ о потопѣ. При чтеніи я сказалъ, что читанное желаю имъ показать въ картинахъ. Я сталъ развертывать картины. Вокругъ меня собралось довольно народа, такъ что я могъ во всеуслышаніе сказать: вы составляете мою школу. Мухаммедъ-Шахъ, когда я читалъ еще изъ Исторіи Ветхаго Заветъа, убѣждался и не разъ повторялъ: правду вчера говорилъ Абдуль-Гани, что онъ такого мурлы еще никогда не видалъ! Правда, правда, повторяла уже и мать его Кямьяль, прежде со смѣхомъ замѣтившая, что этого Абдуль-Гани и слушать

¹⁾ Основатель Ислама, Мухаммедъ получилъ, будто бы, отъ самаго Бога предписаніе, чтобы арабы ежедневно совершали по крайней мѣрѣ 50 молитвъ. И только для бѣднаго, трудомъ живущаго народа, сдѣлано исключеніе, — именно такіе люди должны совершать пять молитвъ ежедневно. Дервиши ислама произносятъ сподрядъ по 33, по 66 и 99 разъ имя Божіе, слѣдя за правильностію счета по шарикамъ четокъ. У дервишей встрѣчаются четки съ очень большими камнями, на которые они становятся на колѣни, пока не переберутъ всего ряда камней, чрезъ что причиняютъ себѣ весьма чувствительную боль. (См. Душеполезное чтеніе. 1883 г. августъ. «Разказы изъ исторіи аскетизма». Стр. 378. Тамъ же объ употребленіи четокъ у христіанъ, стр. 380—382).

нечего; человекъ онъ глухой (чукракъ). Изъ картинъ, которыя я показывалъ, особенно понравились: „О богатомъ и Лазарѣ“, „Проповѣдь св. Іоанна Крестителя“, „Переходъ войскъ чрезъ Дунай“, „Похороны Государа Императора Александра Николаевича“. Не съ охотой смотрѣли на картины и слушали о распятіи и погребеніи Иисуса Христа; больше было вниманія, когда я показывалъ и объяснял картину: „Моленіе о чашѣ“. Картина Страшнаго Суда заставляла ихъ призадуматься. Картинъ я показывалъ много, такъ что и я и мой слушатели довольно утомились. Урокъ мой продолжался болѣе двухъ часовъ. Слава Богу! Не разъ вырывались глубокіе вздохи о грѣхахъ и у моихъ слушателей. Портретъ Государа Императора Александра Александровича III-го всѣмъ понравился: какъ живой, говорили о глазахъ его. Когда разсматривали картину—переходъ чрезъ Дунай, Мухаммедъ - Шахъ объяснилъ, что всѣ турки въ красныхъ тюбетейкахъ.

Вчера вечеромъ старуха Кямьяль что-то говорила по поводу разговора о „приказѣ“, пришедшемъ во всѣ волостныя правленія о крещеныхъ татарахъ. Сегодня, улучивши минуту, я переспросилъ еѣ, что говорятъ еще апазовскіе крещеные татары? Она отвѣчала: аларъ айтяляръ: сезнынъ якка чыгарбызъ дибъ; безъ тамга жиібъ трабызъ, дибъ айтяляръ. Утызлабъ, утызъ бишъ-лабъ чыктыларъ, добавила еще Кямьяль. Т. е. апазовскіе крещеные татары говорятъ намъ (мухаммеданамъ): „И мы на вашу сторону выходимъ, мы тамги собираемъ уже. Человекъ около 30 или 35 уже вышли въ мухаммеданство“.

Старуха Кямьяль замѣтно очень религіозна. Какъ только она зайдетъ за свою женскую перегородку, то непременно уже припѣваетъ: „*аузио билляги*“, или: „*бисъми лляги*“... т. е. ищущаго у Бога... или: во имя Бога... Она совершаетъ пятидневныя молитвы и учитъ свою 2-хъ лѣтнюю внучку произносить алфавитъ арабскій „алифъ, пи.... (а, б) и потомъ: *абджадъ*,

хаввазъ, я раббилъ галляминъ.—Аминъ“. Дѣвочка Мафтухъ повторяетъ за старухой слова и, когда не захочетъ, говоритъ: бильдемъ, бильдемъ (знаю, знаю! или: выучила, выучила)!

Когда Кямьяль чѣмъ либо, или кѣмъ либо недоволенъ; тогда говоритъ: шайтанъ... кяфыръ! (Чертъ... *неспрыный*, а подъ этимъ послѣднимъ словомъ мухаммедане разумѣютъ и русскихъ людей).

8-го же числа старикъ Минкяй и два его сына Сидтыкъ и Хасанъ ѣздили на базаръ въ деревню Ашитъ. Между прочимъ, съ базара они привезли три сальныхъ, самодѣльныхъ, т. е. очень плохо слитыхъ, свѣчки. Старуха Кямьяль была очень рада этимъ свѣчамъ. Это, заявила она мнѣ, *намазъ учюнь мечеткя, май анда янми*, т. е. „эти свѣчи куплены въ мечеть для молитвы; керосинъ тамъ не горитъ“. А одинъ изъ сыновей Минкая зашелъ прямо въ женскую перегородку и тамъ съ недовольствомъ сказалъ: *крешенъ чык-маганнаръ але*, т. е. крещеные еще не вышли въ мухаммеданство!.... А когда я послѣ этого переспросилъ его: какія вѣсти были на базарѣ? Онъ отвѣчалъ: никакихъ нѣтъ!

Я изъ этого, конечно, заключилъ, что на базарѣ Ашитскомъ была рѣчь о крещеныхъ татарахъ, которые, къ досадѣ мухаммеданъ, „еще не вышли въ мухаммеданство“, т. е. окончательно и формально еще не заявили о своемъ отпаденіи въ мухаммеданство. О крещеныхъ татарахъ какихъ селъ и деревень была рѣчь на ашитскомъ базарѣ, я не узналъ.

8-го вечеромъ я добрался до села Апазова. Меня встрѣтилъ почти у самыхъ воротъ села случайно учитель апазовскаго училища. Мы остановились на квартирѣ близъ церкви у крещенина Василия Семенова. Къ нему-же вѣзжаютъ разные торгаши. Одинъ изъ подобныхъ торгашей, какъ только взопелъ въ избу Василия Семенова, высказалъ, что ему на дорогѣ по-

пались знакомые мухаммедане и передали, что апазовскіе крещеные татары вышли уже въ мухаммеданство, что базаръ они перенесли съ пятницы на субботу, а потому совѣтовали ему воротиться. Но разговоръ этотъ не поддержался; крещеные татары, замѣтно, стали меня стѣснять. Хозяинъ дома Василій Семеновъ былъ веселъ, какъ говорится, и часто докладывалъ, что у него праздникъ „Покровъ“. При этомъ я спросилъ Мухаммедъ-Шаха, слыхаль-ли онъ что нибудь про русскій праздникъ Покровъ? Онъ отвѣтилъ, что слышалъ, но передать что либо изъ слышаннаго отказался, опасаясь передать что-либо несправедливое. Я счелъ не излишнимъ при этомъ прочесть о праздникѣ Покрова Пресвятыя Богородицы по книжкѣ „Оло байрамнаръ“, т. е. великіе праздники. Казань 1880 г.

Одного торговца вятской губерніи я распрашивалъ о черемисахъ; онъ передалъ объ нихъ, что поста они не держатъ, молятся только развѣ при русскихъ, или у русскихъ, что своихъ языческихъ обрядовъ они не оставляютъ.

Утромъ 9 числа (въ пятницу) къ Василию Семенову стали приходить чай пить русскіе и мухаммедане съ разныхъ сторонъ. Мнѣ, поэтому, становилось ясно, что въ отступничествѣ Апазовцевъ отъ христіанства въ мухаммеданство, не давно установленный базаръ въ Апазовѣ, произвелъ свою долю вреднаго для православія вліянія.

Я встрѣтилъ въ домѣ Василія Семенова: русскихъ изъ деревни Шуньбашъ; они оказались неграмотные; вотяка—грамотнаго солдата изъ деревни Гондыревой.— По его словамъ, въ деревнѣ Гондыревой грамотныхъ, кромѣ его, нѣтъ еще никого. Вотякъ этотъ знаетъ хорошо и татарскій языкъ.

Утромъ 9-го числа я никого не видѣлъ молящимися изъ домашнихъ Василія Семенова. Самъ онъ, впрочемъ, вчера, когда я читалъ о праздникѣ Покрова Пресвятыя

Богородицы и произнесъ слова: „эй Алланы тыудырганъ Изге безне сакла“, — т. е. Пресвятая Богородице спаси насъ, перекрестился. Гондыревскій вотякъ помолился, напившись чаю съ хлѣбомъ.

Сынъ Василия Семенова Иванъ Васильевъ сегодня сообщилъ мнѣ въ видѣ вопроса объ отпадении крещеныхъ татаръ деревни Карадуванъ. Карадуванскіе крещеные татары въ мухаммеданскую вѣру вышли. Законъ на это есть-ли? Я отвѣчалъ, что закона нѣтъ, что они наносятъ стыдъ своимъ отцамъ и дѣдамъ, которые были православными. — И батюшка нашъ также говорилъ имъ. — А у васъ въ Апазовѣ есть такіе отступники? Нѣтъ, у насъ нѣтъ, сказалъ Иванъ Васильевъ. Что же говорятъ Карадуванскіе крещеные татары, почему они не хотятъ быть православными? Ничего не говорятъ, только хотятъ быть татарами¹⁾. Татары на базарахъ и дорогой, когда идутъ или ѣдутъ съ ними крещеные, говорятъ, что мухаммеданская вѣра лучше русской. — Чѣмъ-же она лучше русской вѣры? Я неграмотный, не знаю. — Я взялъ книгу о превосходствѣ христіанской вѣры предъ мухаммеданской, и сталъ читать о превосходствѣ Евангелія предъ Кораномъ. Иванъ Васильевъ не оказалъ ни малѣйшаго вниманія и ушелъ отъ меня за женскую перегородку. Вскорѣ взшелъ въ избу мухаммеданинъ, къ которому и подошелъ Иванъ Васильевъ здороваться.

Вскорѣ послѣ этого я увидѣлся въ домѣ Василия Семенова съ Ал. Ст. Миропольскимъ, священникомъ села Апазова, который меня пригласилъ къ себѣ.

Здѣсь я встрѣтился съ становымъ приставомъ. Разумѣется, мы говорили о печальныхъ отпаденияхъ крещеныхъ татаръ въ мухаммеданство. Г. становой приставъ стоитъ за крутыя мѣры. Вотъ, говоритъ онъ,

¹⁾ *Быть татаринномъ* — это значитъ для крещенаго — быть мухаммеданиномъ.

если бы Губернское Правленіе сдѣлало распоряженіе сломать въ Азякахъ ¹⁾ незаконно построенную мечеть, давно-бы тамъ ничего не было. Подробно онъ при этомъ рассказывалъ исторію этой мечети. Въ настоящее время Азяковскіе отступники приготовили прошеніе г. Губернатору о томъ, чтобы имъ дозволено было отправлять по мухаммедански богослуженіе. Мечеть въ Азякахъ въ настоящее время, говорилъ становой приставъ, запечатана.

Вышедши отъ священника, я осмотрѣлъ базаръ апазовскій. На базарѣ были представители разныхъ народностей; русскихъ, однако же, было видно мало; большинство было изъ мухаммеданъ; виднѣлись на базарѣ крещеные татарки въ своихъ оригинальныхъ костюмахъ; было здѣсь не мало черемисъ вятской губерніи, напр. изъ деревни Серда-Пустошь, а также вотяки изъ ближнихъ деревень. На базарѣ меня увидели баклаушскіе, знакомые мухаммедане. Янчиковскіе мухаммедане, живущіе отъ села Апазова въ 2-хъ верстахъ, особенно пытались узнать отъ меня, зачѣмъ я пріѣхалъ въ Апазово, когда и куда поѣду?

Г. становой передавалъ мнѣ, между прочимъ, нѣкоторыя свѣдѣнія о томъ, какъ происходило отпаденіе нѣкоторыхъ изъ крещеныхъ татаръ въ мухаммеданство. По его словамъ, дѣло состояло въ слѣдующемъ. Сельскій староста Архиппъ Димитріевъ въ началѣ октября 1881 г. собралъ сходъ подъ предлогомъ сбора подушныхъ денегъ, но на сходѣ самъ повелъ рѣчь объ отпадении въ мухаммеданство. Давайте выходить всѣ въ мухаммеданство; я первый выхожу; законъ царскій на это есть и т. д. и т. д.—Послѣ этой мірской сходки нѣкоторые явились къ приходскому священнику и рассказали о подстрекательствѣ сельскимъ старостою

¹⁾ Въ двухъ деревняхъ, подъ названіемъ *Азяки*, живутъ крещеные изъ татаръ, отпавшіе въ мухаммеданство.

Архиппомъ Дмитріевымъ прочихъ къ переходу въ мухаммеданство. Священникъ просилъ явившихся къ нему быть свидѣтелями. Они согласились. Но когда становой отбиралъ показанія свидѣтелей, то свидѣтели отказались подтвердить подстрекательство сельскаго своего старосты, только одинъ изъ указанныхъ священникомъ свидѣтелей далъ показаніе полное и не уклончивое. Именно онъ показывалъ, что сходъ былъ созванъ подъ предлогомъ сбора податей, но рѣчь на сходѣ повелъ староста Архиппъ Дмитріевъ объ отпаденіи и указывалъ на себя, что онъ первый выходитъ въ мухаммеданство и т. п. Двое другихъ свидѣтелей отчасти только подтвердили показаніе этого перваго свидѣтеля. Остальные свидѣтели уклончиво показали, что они или не были, или-же пришли тогда, когда сходъ заканчивалъ свои дѣла.

Время послѣ обѣда было самое для меня интересное и поучительное. Базарныя операціи приходили всѣ къ концу. А такъ какъ моя квартира была въ импровизованной харчевнѣ, то я имѣлъ случай многое увидеть и услышать именно здѣсь. Въ домъ Василя Семенова, или въ харчевню собрались многіе: мухаммедане изъ сосѣдней деревни Мирджанъ, крещеные татары вятской губерніи изъ деревни Сульта, крещеные черемисы изъ какой-то деревни вятской-же губерніи малмыжскаго уѣзда, крещеные татары апазовцы. У нихъ рѣчь конечно была объ отпаденіи въ мухаммеданство.... Когда меня завидѣли, что я съ базара возвращаюсь на свою квартиру, то предупредили находящихся въ харчевнѣ и внушили осторожность. Урысь кайта, урысь кайта, т. е. „русскій идетъ“, доходили до меня громкія слова.

Надобно сказать еще то, что моимъ наблюденіямъ много повредилъ мой извощикъ — баклаушскій мухаммеданинъ Мухаммедъ-Шахъ. Когда мы входили съ нимъ въ домъ Василя Семенова въ первый разъ, онъ тогда еще во всеуслышаніе провозгласилъ: смотрите!

лишняго ничего не говорите, онъ все по татарски понимаетъ и Коранъ арабскій читаетъ! „Оло кеше“ т. е. онъ большой или лучше—знатный человекъ, добавилъ онъ еще къ вышеупомянутымъ запугиваніямъ. Пока я молился, обратившись къ иконѣ, сидѣвшіе за столомъ въ шапкахъ крещеные татары изъ деревни Серда-башъ сняли свои шапки. Но были-ли у нихъ подъ шапками еще тибетейки, я не могъ замѣтить. Предупрежденіе моего услужливаго медвѣдя Мухаммедъ-Шаха начинало уже дѣйствовать. Нѣсколько осмотрѣвшись въ домѣ Василя Семенова, я сказалъ слѣдующее: вотъ, Мухамад-ша, когда мы сюда входили, ты сказалъ, чтобы они ничего лишняго не говорили. Это, конечно, ты сказалъ хорошо. Лишнія слова, особенно скверноматерныя, не должны быть произносимы и при томъ не только при большихъ или знатныхъ людяхъ, но даже и при малыхъ. Припомни, Мухаммедъ-Шахъ, когда мы ѣхали изъ Казани, маленький сынъ старика Абдуль-Гани, 6-ти лѣтній Сафа ругался скверными словами. Это отъ того, что онъ слышалъ, какъ вы - большіе часто употребляли подобныя не потребныя слова при дѣтяхъ. —Такимъ образомъ я хотѣлъ своимъ наставленіямъ придать тотъ смыслъ, что непотребныхъ словъ говорить вообще не слѣдуетъ, но особенно скрывать и не говорить о дѣлѣ какомъ-либо, —нѣтъ надобности. Впрочемъ едва-ли кто либо изъ моихъ слушателей придавалъ моимъ словамъ такой именно смыслъ. Наставленіе Мухаммедъ-Шаха было общее и клонилось главнымъ образомъ, кажется, къ занимающему апазовцевъ отступническому движенію. Но мнѣ помогли другія обстоятельства, о которыхъ я и хочу рассказать.

Въ пятницу, послѣ базарныхъ операцій, многихъ изъ тѣхъ, которые были свидѣтелями предупрежденій моего извощика, не было, равно не было и самого извощика, коего я нанималъ только до Апазова и считался съ нимъ, какъ слѣдуетъ. Въ домѣ Василя Семенова были новые люди. Изъ нихъ, при томъ-же,

нѣкоторые были подъ вліяніемъ вина, другіе — люди энергичные, шедшіе на прямикъ, какъ говорится.

Когда уже я поздоровался съ ними и сѣлъ на нарахъ ¹⁾ въ сторонѣ, нѣкоторые изъ нихъ приглашали меня пить съ собой чай. Одинъ изъ крещеныхъ татаръ вятской губерніи, обратившись ко мнѣ, сказалъ: вотъ, батюшка, здѣшніе крещеные татары хотятъ выходить въ мухаммеданство, а я не хочу. Мы крещены еще во время царя Ивана Васильевича, наши дѣды и отцы такъ жили, зачѣмъ - же намъ перемѣнять вѣру? Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь. Такъ-ли батюшка? Такъ, подтвердилъ я ему, рѣшительно не слѣдуетъ перемѣнять вѣру. Зачѣмъ дѣлать стыдъ дѣдамъ и отцамъ. Твердо держите русскую Христову вѣру!—А я, батюшка, выхожу въ мухаммеданскую вѣру и ты скажи мнѣ, возможно-ли это дѣло, есть-ли законъ царскій на это, говорилъ другой. Это дѣло не возможное и нѣтъ и не было никогда никакого указа или царскаго закона, дозволяющаго крещенымъ людямъ, или христіанамъ, отпадать въ мухаммеданство. Когда я ѣхалъ сюда, такъ слышалъ, будто по всѣмъ волостямъ разосланъ уже приказъ, дозволяющій выходить крещенымъ татарамъ въ мухаммеданство.—Такъ, такъ, слышалось изъ толпы.—Но это совершенно ложный слухъ. Это слухъ отъ мухаммеданъ, или лучше отъ шайтана. Если бы такой царскій законъ былъ, подумайте, старики, развѣ можно-бы было его скрывать? Его бы сейчасъ вездѣ объявили.—Такъ, такъ, снова слышалось изъ толпы.—Нѣтъ, снова говорилъ мой новый собеседникъ Никита, крещеный татаринъ малмыжскаго уѣзда вятской губерніи, деревни Сульты,—говорять, что такой законъ есть, и я выхожу и другихъ уговариваю.

¹⁾ У крещеныхъ татаръ въ передней сторонѣ дома устроятся, какъ и мухаммеданъ, такъ называемые *нары*, широкія возвышенія, четверти на 3 отъ пола, въ родѣ лавокъ для сидѣнія въ домахъ русскихъ.

Здѣсь въ кабакѣ я также училъ... Ну, кабакъ—плохая школа. — Я пойду самъ къ царю, говорилъ Никита, и скажу, что мы всѣ выходимъ въ мухаммеданство. Царь выйдетъ ко мнѣ и скажетъ: можно! — А если скажетъ: нѣтъ, нельзя? — Нѣтъ можно, скажетъ. Иначе я буду воромъ... Зачѣмъ-же ты будешь воромъ? Развѣ христіанская вѣра научаетъ воровству?—Мы крещены еще во времена Ивана Васильевича, заговорилъ было тотъ....—Молчи, ты вѣдь ничего не знаешь, сказаль ему Никита. Ты молиться не умѣешь!—Знаю, знаю я даже и магометанскую вѣру, и при этихъ словахъ крещеный татаринъ на распѣвъ проговорилъ: *аузю билляги миньяш-шайтани раджимъ. Бисьми-алляги* и проч. ¹⁾. „Мы выходимъ въ мухаммеданскую вѣру, у насъ священникъ за сватьбу беретъ 9 — 12 рублей, собираетъ ругу, крупу, хмѣль. Діаконъ и дьячекъ тоже, и всѣ говорятъ: давайте столько-то, это руга—законъ. Они не хотятъ быть довольными тѣмъ, что мы даемъ“, говорилъ Никита.—Ну, а если бы у васъ былъ священникъ, который бы съ васъ ничего не бралъ, тогда вы не стали бы выходить въ мухаммеданство? Не лучше-ли тебѣ, Никита, выдти въ невѣріе, къ невѣрнымъ, некрещенымъ черемисамъ, тамъ ничего можно не давать; тамъ ни муллы, ни священника нѣтъ. Никита не много какъ будто одумывался. А я продолжалъ: слѣдуетъ смотрѣть въ этомъ важномъ дѣлѣ, старики, не на то, сколько руги требуетъ священникъ, а на вѣру. Христіанская вѣра — истинная вѣра. А если кого обижаютъ священникъ, тотъ можетъ на него жаловаться начальству, а по закону нашему — христіанскому еще гораздо лучше поступить тотъ, кто перенесетъ обиду. Вѣдь и у мухаммеданъ есть руга: Коранъ даетъ право муллѣ получать отъ прихожанъ де-

¹⁾ Этими словами мухаммедале начинаютъ чтеніе Корана. Они означаютъ: «я ищу убѣжища у Бога отъ сатаны, побиваемаго камнями. Во имя Бога милостиваго, милосердаго».

сятину и зякять ¹⁾ Но многіе мусульмане не исполняютъ этого. Въмѣсто десяти, напр. рублей, они муллѣ даютъ 1—2 рубля, вмѣсто 10 телѣгъ сноповъ отдають только 3—4 телѣги.

Нашъ — христіанскій законъ говоритъ, что священникъ долженъ питаться отъ церкви. Пастухъ, какъ вы знаете, носитъ одежды изъ волны и кожи овецъ, пьетъ молоко коровъ, а солдатъ питается царскимъ хлѣбомъ, такъ точно по христіанскому закону священникъ, какъ пастырь, долженъ питаться и одѣваться отъ своего стада. Нѣтъ, старики, изъ за руги не слѣдуетъ выходить въ мухаммеданство. Ты, Никита, говорилъ, что иначе ты будешь воромъ, — и этого не слѣдуетъ говорить. Въ грѣхахъ слѣдуетъ каяться. Не угодно ли, — почитаю тебѣ о покаяніи, а другіе пусть послушаютъ! Онъ изъявилъ согласіе и я прочиталъ наставленіе св. Тихона подъ заглавіемъ: „Иртыгя килеремъ“, т. е. „Завтра приду“. Никитѣ и всѣмъ прочимъ наставленіе святителя очень понравилось, а одинъ человекъ тронуть былъ такъ, что послѣ чтенія сейчасъ-же всталъ съ своего мѣста, помолился предъ св. иконою, а потомъ подошелъ ко мнѣ, взялъ мои руки, долго и крѣпко ихъ жалъ, высказывая мнѣ свои благодарности. Я спросилъ его, кто онъ. Оказалось, что это былъ крещеный черемисъ, вполне понимающій татарскій языкъ, по имени Андрей. Никита сказалъ при этомъ, что Андрей съ его-же стороны, что черемисы хотятъ также переходить въ мухаммеданскую вѣру. Услышавши это, я обратился къ Андрею и сказалъ ему: сохрани васъ Богъ! твердо стойте въ христіанской вѣрѣ; не слушайте мухаммеданъ, которые васъ обманываютъ и прельщаютъ. Дай вамъ Богъ здоровья и хлѣба! Нѣкоторые изъ мухаммеданъ при этомъ ушли изъ избы, чему я былъ, конечно, радъ.

¹⁾ Т. е. десятую часть съ имущества и милостыню.

Рады, бывали, по всей вѣроятности и мухаммеданѣ, когда я уходилъ изъ харчевни—на базаръ смотрѣть, или куда либо.

Когда я высказалъ свои благожеланія черемисянину, ко мнѣ обратился одинъ Апазовецъ—Григорій Ивановъ (Адушъ) и звалъ меня къ себѣ выпить чаю. При другихъ обстоятельствахъ такое приглашеніе могло бы показаться утѣшительнымъ для человѣка, находящагося въ положеніи подобномъ моему. Но я чувствовалъ одну болѣзнь.... Я чувствовалъ, что меня какъ бы нарочно отзываютъ, желая прекратить мою рѣчь. Крещенные татары какъ бы стѣснялись и стыдились мухаммеданъ, коимъ приходилось выслушивать отъ меня прямые слова противъ ихъ ложныхъ разглашеній. Но я долженъ былъ согласиться на приглашеніе. Меня приглашалъ человѣкъ отчасти извѣстный мнѣ, по моимъ прежнимъ наблюденіямъ въ 1867 году какъ наклонный къ мухаммеданству. Желалось отчасти узнать, произошла ли въ домѣ Григорія Иванова какая либо перемена къ лучшему? Я, кромѣ того, предполагалъ, что изъ харчевни скоро всѣ будутъ расходиться и разъѣзжаться по домамъ. Я отправился, взявши съ собою нѣкоторыя книжки. Дорогой къ намъ-же присоединился и приходскій священникъ о. Миропольскій.

При входѣ въ домъ Ивана Васильева, отца Григорія Иванова, меня озадачили большой тазъ, прислоненный къ стѣнѣ. Это—думалъ я—уже признакъ мухаммеданскихъ омовеній.—Мы пили чай, во время коего о. Миропольскій усадилъ около себя молодого парня, Кузьму Иванова и сталъ съ нимъ говорить. Я видалъ этого Кузьму еще мальчикомъ. Теперь онъ возмужалъ и показался мнѣ рѣзкимъ. Глаза его со злостію посматривали то на меня, то на о. Миропольскаго, лице Кузьмы было не спокойно. О. Миропольскій началъ обращаться къ нему съ своею рѣчью. Зная болѣзнь Кузьмы, т. е. сильную наклонность къ отпаденію въ мухаммеданство, о. Миропольскій объ-

яснялъ Кузьмѣ значеніе иконъ; увѣщеваль не слушать разглашеній о царскомъ законѣ. Кузьма возразилъ, что у русскихъ два Бога, а у мухаммеданъ одинъ, что вѣра мухаммеданская лучше русской. О. Миропольскій объяснялъ, что Богъ и по христіанской вѣрѣ одинъ, что Христосъ называется сыномъ Божиимъ, не какъ *другой* Богъ, а духовно, какъ Слово Божіе, какъ говорится объ Немъ и въ Коранѣ. Я при этомъ добавилъ, что слѣдуетъ отбросить мысль, будто у Бога есть жена. Иисусъ Христосъ родился не по нашему. Богъ, продолжалъ я, слышитъ, хотя у Него нѣтъ ушей; Онъ слышитъ не по нашему; Онъ все видитъ, хотя у Него нѣтъ глазъ; Онъ видитъ не по нашему. Онъ раждаетъ также не по нашему. Потомъ я вынулъ книжку „О превосходствѣ христіанской вѣры предъ мухаммеданствомъ“ и просилъ Кузьму послушать. Я почиталъ не много, потомъ значительную часть книжки читалъ о. Миропольскій съ нужными во многихъ мѣстахъ добавленіями и разъясненіями ¹⁾).

Вотъ сколько указано признаковъ превосходства христіанской вѣры предъ мухаммеданской! Въ книгѣ указаны главы Корана и стихи. Слѣдовательно, желающій можетъ убѣдиться въ справедливости всего прочитаннаго. О. Миропольскій совѣтоваль Кузьмѣ самому еще прочитать эту книжку (Кузьма порядочно умѣетъ читать по русски). Онъ изъявилъ согласіе и мы, подаривши книжку Кузьмѣ, распростились съ Иваномъ Васильевымъ, Григоріемъ Ивановымъ и Кузьмой.

При выходѣ, въ сѣняхъ я замѣтилъ мухаммеданина, въ тюбетейкѣ; онъ насмѣшливо смотрѣлъ вслѣдъ за нами. Я опросилъ его, апазовскій-ли онъ или нѣтъ. Я не здѣшній, довольно сурово отвѣчалъ мнѣ мухаммеданинъ.

¹⁾ При этомъ я искренно порадовался тому, что о. Миропольскій вполне свободно дѣлалъ разъясненія и добавленія свои на крещено-татарскомъ языкѣ.

Ал. Ст. Миропольскій передалъ мнѣ, что Кузьма въ душѣ злой уже мухаммеданинъ, что онъ уже надѣлъ было на свою голову тибетейку, но другіе уговорили его пока скинуть.

Вечеромъ, когда постороннихъ, т. е. изъ сосѣднихъ деревень, ни мухаммеданъ, ни вотяковъ, ни черемисъ не было, а собрались въ домъ Василя Семенова нѣкоторые апазовцы, я опять сталъ увѣщевать ихъ твердо держать христіанскую вѣру, не слушать внушеній мухаммеданъ. У васъ священникъ очень хорошій, говоритъ по татарски прекрасно, онъ вамъ всегда можетъ давать наставленія, только чаще обращайтесь къ нему за совѣтами, когда что услышите отъ мухаммеданъ. Одинъ при этомъ сказалъ: нашъ батюшка и въ церкви служить половину по русски, половину по татарски, и внѣ церкви часто много говоритъ съ нами, не слушаютъ многіе, хотягъ выходить въ мухаммеданство; русскіе хвалятъ свою вѣру, а татары-мухаммедане свою.—Я вамъ хочу не много почитать изъ Евангелія. Наша вѣра Христова—вѣра Евангельская. Почитай. Я читалъ 1—7 главы Евангелія Матѳея и, по мѣстамъ, дѣлалъ нѣкоторыя указанія на разность и превосходство христіанской вѣры предъ мухаммеданской. Потомъ прочиталъ о праздникѣ Рождества Богородицы, такъ какъ въ Апазовѣ этотъ праздникъ престольный. Этимъ чтеніемъ закончилась моя бесѣда.

Замѣчательный былъ день базарный. Сколько впечатлѣній! Я убѣдился наглядно, какъ идетъ и развивается мухаммеданская пропаганда. Въ каждомъ домѣ, у апазовскихъ крещеныхъ татаръ, кажется, былъ мухаммеданинъ, по всѣмъ улицамъ мухаммедане бродили до самаго вечера. А какъ мало имъ отпора! Сколько базаровъ по сторонамъ, куда съ своей стороны отправляются крещеные апазовскіе татары, сколько базаровъ предстоитъ у нихъ въ самомъ Апазовѣ—во время коихъ будетъ дѣйствовать таже упорная мухаммеданская пропаганда, не встрѣчающая себѣ почти ни ма-

лѣйшаго сопротивленія. На татарскихъ базарахъ—русскихъ почти не видно. А если и бываютъ, то какіе? Арскій, напр. торгошъ, Иванъ Фроловъ, слова не сказалъ въ ободреніе крещеныхъ татаръ, а былъ и самъ убѣжденъ въ томъ, что выходить крещенымъ татарамъ въ мухаммеданскую вѣру позволяютъ, апазовскіе отступники и особенно кибякъ-козинскіе въ этой мысли его особенно утверждали ¹⁾. А гдѣ же наши православные миссіонеры? Гдѣ они? Боже мой, Боже мой! Внуши намъ, Господи, ревность о спасительномъ ученіи Твоемъ, внуши состраданіе къ погибающимъ душамъ столь многихъ крещеныхъ инородцевъ Русскаго Царства! Да будутъ, какъ слѣдуетъ, приготовлены миссіонеры, да будутъ они снабжены всѣмъ нужнымъ для своей дѣятельности! Боже, да будетъ воля Твоя!

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Крещеные татары деревень Азякъ и Кибякъ-Козей, отпавшіе въ мухаммеданство, были оставлены безъ вліянія и руководства или безъ увѣщаній со стороны духовнаго начальства, а потому они и разглашали о себѣ, что они уже вышли въ мухаммеданство.

Содержаніе № 18: 1) Распоряженія Епархіальнаго Начальства.—2) Историческое описаніе церквей г. Казани: Кирилло-Меѳодіевская церковь.—3) Священникъ Дмитрій Николаевичъ Смирнинъ (Некрологъ).—4) Нелѣпный взглядъ хлыстовъ села Булдыря на нѣкоторыя иконы.—5) О крещеныхъ татарахъ (изъ миссіонерскаго дневника).

Печатать дозволяется. Редакторъ, Каѳедра́льный протоіерей Е. Малозъ.

Казань. Типографія Императорскаго Университета.